

Тань Чжифэн растерянно смотрел на него. В одно мгновение он мысленно вернулся в тот самый момент. Почему? Он ведь не должен был здесь стоять...

Юноша, словно во сне, медленно протянул руку и коснулся щеки Тань Чжифэна. Тань Чжифэн обнаружил, что постепенно покидает собственное тело. Он был где-то далеко, наблюдая, как всё это происходит.

«Нет, это не Сюй Гань», — внезапно осознал Тань Чжифэн во сне.

«Но в его теле душа Инлуна», — сказал он сам себе.

Тот юноша — на самом деле, он вот-вот должен был окончательно избавиться от юношеской незрелости и вступить на порог молодости — был высоким, немного худым, но не хрупким. Его тело было стройным и крепким, а в каждом движении чувствовалось врождённое благородство. А другая фигура, сидевшая рядом с ним, в глазах Тань Чжифэна выглядела очень хрупкой, лишь смутный силуэт, словно готовый в любой момент раствориться в лёгком утреннем тумане.

Они сидели бок о бок на холодных каменных ступенях, и юноша без умолку рассказывал обо всём, что пережил в своей жизни. А человек рядом с ним сидел, повернувшись вполборота, и сосредоточенно, серьёзно смотрел на него.

— Это тот государственный наставник по фамилии Цинь... — продолжал юноша. — В тот день, когда он проводил ритуал, чтобы изгнать мою болезнь. Ты был рядом со мной. У меня так болела голова, что я не мог открыть глаза, но ты... это ты дал мне лекарство? Кто ты? Ты один из людей государственного наставника? Нет... я видел тебя и в детстве...

Юноша протянул руку и взял его холодные руки. Да... Тань Чжифэн до сих пор помнил то жгучее прикосновение, его руки снова неконтролируемо запылали.

* * *

— Иди... — когда он беспокойно шевельнулся во сне, ему показалось, что низкий голос тихо прошептал ему на ухо: — Не спи здесь, простудишься.

Тань Чжифэн с трудом открыл глаза и обнаружил, что его рука лежит в длинной и сильной руке Сюй Ганя. Он инстинктивно попытался немного вытащить руку, но Сюй Гань удержал её.

Сюй Гань прижал его ладонь к своей и крепко сжал пальцы в замок на некоторое время. Тепло потекло по линиям на ладони Тань Чжифэна, постепенно проникая, казалось, в его кровь, согревая его изнутри.

— Ты слишком худой, — услышал он, как Сюй Гань продолжил. — Я почти не видел, чтобы ты нормально ел.

— Я ел... — сонно возразил Тань Чжифэн тихим голосом.

— Вздор, — прервал его Сюй Гань. — Иди спать. Завтра я прослежу, чтобы ты хорошо поел.

Сердце Тань Чжифэна дрогнуло, и он, на удивление, действительно снова заснул.

* * *

Сон не продолжился. Тань Чжифэн проспал до рассвета, но, проснувшись, обнаружил, что Сюй Ганя уже давно нет. Тань Чжифэн поспешно встал и принялся за работу. Провозившись целый

день, проведив нескольких гостей и немного подготовившись к вечернему сборищу, Тань Чжифэн подошёл к двери и, откинув занавеску, выглянул наружу.

— Скоро должен вернуться? — пробормотал Тань Чжифэн, стоя у двери.

— Кто-то пришёл? — спросила Чжочжо, подумав, что он говорит о гостях, которые должны были прийти вечером. Она с любопытством подошла к двери и тоже выглянула наружу.

Она давно не видела Чжань Чжао и, услышав, что на этот раз он придёт, специально надела новую красивую короткую кофту лунно-белого цвета с перекрещивающимся воротом. Манжеты и воротник были вышиты россыпью мелких нежно-розовых цветочков. Проходя мимо Тань Чжифэна, она оставляла за собой шлейф аромата.

— Нет, — одновременно сказали Тань Чжифэн и Чжочжо, и оба, казалось, были немного разочарованы.

В этот момент из нескольких барабанных башен столичных храмов донёсся бой барабанов. В этом гуле Тань Чжифэн смутно разглядел приближающиеся со стороны переулка фигуры Чжоу Яньцзина и его друзей. Он поспешно опустил занавеску, велел Чжочжо хорошо принять их, а сам вернулся на заднюю кухню, чтобы продолжить работу.

* * *

В буддийском тексте «Правила чистоты Байчжана» говорится: «Утренний колокол рассеивает долгую ночь, пробуждая от сна; вечерний барабан пробуждает от сумеречной дремоты, разгоняя тьму».

В буддийских храмах города Кайфын рядом с молельными залами строили высокие колокольни и барабанные башни. Утром, перед службой, били в колокол, а вечером, во время чтения сутр, били в барабан, напоминая монахам и верующим, практикующим в храмах, о времени для молитвы.

Храм Тяньцин был одним из четырёх великих храмов столицы. Он не был таким величественным и грандиозным, как храм Дасянго, но был излюбленным местом для уединённых практик многих богатых семей Кайфына. Ряды келий для медитации и изящные дворики были разделены зарослями изумрудно-зелёного бамбука. Раскаты вечернего барабана разносились в сгущающихся сумерках, и весь монастырь казался тихим и умиротворённым. Вряд ли кто-нибудь мог услышать, как в одном из дворики кто-то тихо спорил.

Боковая дверь дворики была приоткрыта. Если заглянуть внутрь через ажурную резьбу на стене, можно было увидеть двух человек, криво сидевших у входа, словно задремавших.

— Будь я на твоём месте, я бы ни за что не позволила этому Чан Юйшаню так легко уйти! — это был холодный, немного суховатый голос женщины средних лет.

— ...Госпожа, я вам советую: раз уж лекарь велел вам здесь как следует поправляться, не беспокойтесь вы об этих мелочах... Этими делами, разумеется, займусь я... — говорил мужчина средних лет. Его голос был гораздо приятнее, чем у женщины, очень мягкий, но в то же время крайне сдержанный, даже подавленный.

— Хм, — холодно усмехнулась женщина. Последовало короткое молчание, но вскоре она снова заговорила: — Но я прожила здесь всего чуть больше полугода, а дела в семье, говорят, идут всё хуже и хуже.

— Ничего подобного! — возразил мужчина, повысив голос. — Не слушайте вы эти сплетни посторонних.

— Ты скрываешь от других, но неужели думаешь скрыть и от меня? — снова холодно бросила женщина, и в комнате опять воцарилась тишина. Но вскоре Тань Чжифэн услышал, как мужчина снова заговорил: — Этот так называемый Чан Юйшань, с ним не так-то просто справиться. Я, конечно, обещал ему, что если он согласится выйти на сцену для вида, то получит щедрое вознаграждение, но он всё равно не захотел!

Мужчина перевёл дух и продолжил:

— Я велел разузнать о нём. Он учёный муж, возможно, в следующем году будет сдавать экзамены на степень цзюйжэнь, так что, естественно, не хочет связываться с такими делами! К тому же, у нас и так полно способов заработать, зачем же так цепляться за этого человека?!

— Потому что с него можно быстрее всего выжать больше всего денег! — голос женщины стал пронзительным. Она сделала паузу и с ноткой торжества добавила: — Неужели ты не думал попробовать другой способ? Если ему не важны деньги, не значит, что ему не важно что-то другое... Разве ты не знаешь, что у него есть младший брат, который держит захудалую маленькую таверну... Могу тебе сказать, он скоро будет здесь. Он уже согласился хорошенько со мной поговорить.

С крыши донёсся лёгкий шорох, но двое, застывшие в напряжённом противостоянии, не обратили на него внимания. К тому же, услышав это, мужчина пришёл в ярость.

— Госпожа... — в его голосе уже слышались нотки гнева. — Когда же вы перестанете быть такой своевольной и везде совать свой нос...

— Если я не буду совать нос, то позволю тебе творить что вздумается? — голос женщины был необычайно строгим, с непререкаемым авторитетом, и звучал очень резко.

— Тебе мешают, но ведь не мои люди? — язвительно парировала женщина. — Я и не думала, что ты способен на такое. Учёный муж... Двадцать лет назад разве ты не был таким же учёным мужем? Ты был тогда в упадке и нищете. Если бы мой отец не приютил тебя, как бы ты получил всё то, что имеешь сегодня? А ещё тот твой бастард, которого ты держишь на стороне, и та женщина неизвестного происхождения. Ты ведь надеешься, что я поскорее умру, чтобы ты мог завладеть всем, что принадлежит моему отцу и мне! Жаль только, что у тебя не хватит ни смелости, ни способностей... К тому же, все те дела, что вы творили, те дела, за которые истребляют девять поколений рода, я крепко держу в своих руках!

Гнев мужчины сменился ужасом. С его лица с правильными чертами вмиг исчезла обычная учтивость. Он громко крикнул:

— Хватит! — и тут же добавил: — Ты думаешь, я не знаю, почему ты так хочешь оставаться здесь? Не из-за этого ли Вэньхуэя? В нём нет ничего от монаха. Сколько всего ты ему отравила за эти дни...

— Что с вами двумя? Заснули? — не успел мужчина договорить, как снаружи послышались шаги и растерянный голос молодого человека: — Отец...

С крыши снова донёсся лёгкий шорох. Проворная чёрная тень низко пронеслась над стеной двора и исчезла в бамбуковой роще. Молодой человек, который только что заговорил, растолкал двух охранников снаружи. В этот момент он вдруг почувствовал, как сзади к нему

приближается мрачное и ледяное дыхание, словно тёмная туча заслонила ясное небо.

Он в ужасе обернулся и увидел стоящего за ним высокого иноземца с голубыми глазами. Мужчина смотрел на него с загадочной улыбкой, но в его глазах молодой человек прочёл угрозу.

— Ты, ты кто такой? — спросил он дрожащим голосом.

— Хе-хе, кто я? Этого тебе лучше не знать... — не успел мужчина договорить, как женщина в комнате издала угрожающий, почти рычащий крик: — Ты рано или поздно, рано или поздно погибнешь от рук этого человека из Западного Ся.

— Вы бы лучше о себе побеспокоились, госпожа... — высокий мужчина у двери оттолкнул преградившего ему путь молодого человека и шагнул внутрь. Молодой человек заметил, что на руке у мужчины обвилась жёлтая змея. Её жёлто-коричневая кожа была тусклой и уродливой, от неё исходил неприятный запах. А на теле змеи, чуть ниже головы, виднелся ужасный, незаживший огромный шрам, от которого исходил отвратительный запах гниения...

* * *

— Прошу, прошу! Это знаменитое вино из башни Фэнлэ, называется «Долголетие». Я специально попросил человека купить его. Сегодня мы провожаем Минцзина, так что давайте все выпьем и не разойдёмся, пока не напьёмся!

К этому времени все уже собрались в таверне Тань Чжифэна, и в маленькой комнатке было очень тесно. Чжоу Яньцзин приказал слуге открыть парчовый мешок и достать нефритовую бутылку. Как только крышка была открыта, комнатка Тань Чжифэна наполнилась ароматом.

<http://bllate.org/book/14942/1323838>